

ожившими садами медленно поднимается въ гору, по дорожѣ, извивающейся между соснами: впереди пѣшки, духовенство, а по орелѣнѣ блестящ пологий покровъ гроба... Кто это видѣть, долго не забудетъ этой картины, горестнаго чувства, этого повседневнаго возвращенія домой.

Передъ домомъ остановка и послѣдняя торжественная панихида, освещенная массами свѣчей.

Затѣмъ, черезъ садъ, по прямой старинной липовой аллѣй доходить до церкви. Въ церкви растенія, цвѣты. Гробъ утопаетъ подъ ними. Впечатлѣнїе чего-то свѣтлаго, избавленія отъ страданій для вѣчнаго покоя.

Вечеромъ, невообразимъ. 4-го погребеніе. И могила такая же свѣтлая: она покрыта пѣнками. На крестѣ цвѣты, а надъ ними обрванъ Спасителя и, полный любви, призванъ Его: „Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи—и Азъ упокою вѣ“.

Его уже нѣтъ... Вѣчность передъ нами открылась, тайна жизни, бжтїи... Но память о немъ жива и будетъ жить. Этотъ музей, художественный памятникъ его творчества, будетъ постоянно напоминать о немъ тѣмъ, кому дорого историческое прошлое края, русская самобытность. Идя навстрѣчу давнишней потребности въ устроителѣ адѣсь такихъ учреждений, какъ коммиссія и музей, организаторъ хорошо понималъ ихъ значеніе и задачи, которыя подробно и выразительно выяснилъ въ спорѣ рѣши при открытіи музея 18 января 1905 года. Онъ даже предвидѣлъ то, что впоследствии и послѣ его отъѣзда признавалось желательнымъ отдѣльными членами коммиссіи. Еще недавно, напримеръ, 4 августа было возбужденъ вопросъ о стягиваніи мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ въ бібліотеку музея. Этотъ вопросъ съ самаго возникновенія коммиссіи ставился. Николай Николаевичъ, какъ это видно изъ первыхъ журналовъ правленія коммиссіи.

Вѣрный, продуманный до мелочей планъ дѣйствій, несомнѣнно, обеспечитъ помыслъ учрежденіямъ правильный ростъ и дальнѣйшее развитіе.

Но никакой, хотя бы и самый упорный трудъ, если онъ не одухотворенъ любовью къ дѣлу, не дастъ тѣхъ живыхъ бликовъ, какіе мы, напримѣръ, видимъ въ людяхъ нашихъ произведеніяхъ художника. И въ Николай Николаевичѣ была при созданіи музея одухотворенность, которую одни изъ членовъ называли коммиссіи. Ф. Г. Кашиновскій, въ своей прощальной рѣчи, опредѣлялъ такъ: „Изъ веществныхъ и письменныхъ памятникахъ, любовно собранныхъ Вами въ этомъ музѣ, воспользовались творческимъ мыслен, чувствованіемъ и стремленіемъ нашихъ предковъ. Памятники эти являются органическимъ явленіемъ между